

3. Маргелов, В. Ф. Воздушно-десантные войска / В. Ф. Маргелов // Советская военная энциклопедия : в 8 т. – М., 1976. – Т. 2.
4. Лисов, И. И. Десантники. (Воздушные десанты) / И. И. Лисов. – М., 1968.
5. Муриев, Д. З. Вяземская воздушно-десантная операция 1942 г. / Д. З. Муриев // Советская военная энциклопедия : в 8 т.– М., 1976. – Т. 2.
6. Федоров, Г. Авиация в битве под Москвой / Г. Федоров. – 2-е изд. – М., 1975.
7. Самойленко, Я. П. Днепровская воздушно-десантная операция 1943 / Я. П. Самойленко // Советская военная энциклопедия : в 8 т.– М., 1977. – Т. 3.
8. ЦАМО РФ. – Ф. 235.
9. Освобождение Беларуси 1943–1944. – Минск, 2014.
10. Красная звезда. – 1959. – 19 авг.

С. В. Кулинок

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕМЕЦКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫХ ШКОЛ В БЕЛАРУСИ (документальные источники НАРБ)

Одной из малоизученных страниц истории Великой Отечественной войны на территории Беларуси является деятельность немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ (курсов). Масштабы этой работы были фактически «конвейерными», осуществлялись в течение всего периода оккупации и имели важнейшее значение как для немецких военных властей, так и для безопасности советского тыла, Красной армии и партизанских формирований.

Среди главных особенностей изучения данной темы советскими, отечественными и зарубежными историками можно выделить следующие:

- деятельность немецких спецшкол до настоящего времени не являлась самостоятельным объектом исследования;
- изучение темы осуществлялось в контексте противостояния немецких и советских спецслужб [1; 2; 3] либо как отдельные сюжеты разведывательной и контрразведывательной работы партизан [4; 5; 6];
- недостаточное привлечение архивных документов. В советский период эти данные были засекречены и вводились в научный оборот в незначительном объеме.

Необходимо отметить, что документы советских органов государственной безопасности, в том числе связанных с деятельностью немецких разведывательно-диверсионных школ, в последние десятилетия были опубликованы в значительном объеме [7; 8; 9], а вот документы партизанских формирований и их руководящих органов (Центрального и Белорусского штабов партизанского движения – ЦШПД, БШПД) в настоящее время

используются недостаточно. Учитывая тот факт, что главной особенностью деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Беларуси была, в первую очередь, подготовка агентуры для работы в партизанских соединениях, привлечение разведывательных документов ЦШПД, БШПД и формирований «народных мстителей» является обязательным условием для объективного изучения данной проблемы.

Согласно классификации И. Д. Ковальченко, документальные источники по разведывательной и контрразведывательной деятельности партизан можно отнести к письменным, а основу комплекса материалов БШПД и подчиненных ему формирований составляют документы делопроизводства. Представляется корректным использование функциональной классификации делопроизводственных документов по данной проблеме, когда можно выделить следующие основные виды документов: организационно-распорядительные (приказы, указания и рекомендации по ведению разведки, инструкции), планово-отчетные (отчеты, разведывательные и оперативные сводки, донесения, опросные листы, разведанные и др.), судебно-следственные (протоколы допросов, следственные дела) и справочно-информационные (справки, обзоры, аналитические и докладные записки).

Видовое разнообразие источников, их объем, содержание, а также возможность привлечения иных документов (органов НКВД-НКГБ, партийных организации и др.) позволяет говорить о высокой степени репрезентативности и богатом информативном потенциале, отражающем практически все важнейшие аспекты деятельности немецких спецслужб по организации разведывательно-диверсионных школ на территории Беларуси.

Организационно-распорядительная документация по обозначенной проблеме представлена различного рода указаниями и распоряжениями, которые касались вопросов выявления спецшкол и разоблачения агентуры противника [10, д. 15, л. 341], использования различных групп населения в качестве шпионов [11, д. 53, л. 22], деятельности немецких спецслужб [12, д. 35, л. 81–82], подготовки кадров для борьбы с партизанским движением в Беларуси на сопредельных территориях [10, д. 139, л. 96]. В указаниях заместителя начальника ЦШПД С. Бельченко от 31 октября 1943 г. начальнику БШПД П. Калинин у отмечалось: «Просим шифром запросить все вверенные вам партизанские отряды о наличии по Белоруссии школ гестапо, их места дислокации, численный состав, кого из каких школ выпускают. Из освобожденных Красной армией районов Орши, Брянска, Смоленска, Рославля, Унечи и др. немцы школы гестапо передислоцируют в районы Белоруссии. Дайте задание установить их местонахождение и перегруппировку» [11, д. 56, л. 4–5].

В декабре 1943 г. в указаниях, прибывших из ЦШПД, отмечалось: «из партизанских отрядов поступают агентурные данные и показания разоблаченных агентов гестапо, что немцы усиленно вербуют и обучают в школах большое количество своей агентуры с целью засылки в наши тылы, проникновения в части Красной Армии и внедрения в партизанские отряды

для ведения разведки, совершения диверсий на коммуникациях и террористических актов... Для успешного розыска вражеских разведчиков, переброшенных в наши тылы и партизанские отряды, просим дать указания командирам вверенных вам партизанских отрядов... добиваться получения на переброшенную агентуру, или внедренную в партизанские отряды подробных сведений с указанием: а) полных установочных данных; б) характеризующих данные агента и его предметы; в) район предполагаемой деятельности агента и его связи» [10, д. 886, л. 52].

Для организации более качественной работы Особых отделов партизанских формирований по разоблачению вражеской агентуры разрабатывались различного рода инструкции и указания. В апреле 1943 г. оперуполномоченным Особых отделов была разослана «Инструкция о правах и обязанностях оперуполномоченного Особого отдела при партизанском отряде» [11, д. 1308, л. 26], а также инструкция «Об ограждении отрядов от проникновения шпионов и агентурной разведке» [10, д. 1183, л. 4]. В августе этого же года всем начальникам Особых отделов партизанских соединений были отправлены указания по контрразведывательной работе, в которых рекомендовалось «заиметь в отрядах вторых гласных оперработников, исключительно занимающихся контрразведывательной работой. Для чего через командование бригады и партийные организации отрядов подберите надежных лиц, соответствующих на эту работу... Провести вербовку внутри отрядов и местных жителей надежной агентуры, направив ее на выявление агентуры противника. Подготовить надежных агентов для внедрения в органы и школы разведки противника, с задачей выявления их агентуры, сигналов и кодов...» [13, д. 281, л. 12–13].

С целью получения более полных разведывательных данных от разоблаченной агентуры противника всем секретарям РККП(б)Б и начальникам Особых отделов бригад и отрядов Борисовской зоны были разосланы рекомендации по ведению допроса, где было выделено семь пунктов, в том числе требовалось выяснять следующие вопросы: кем, когда, при каких обстоятельствах завербован, с какими официальными сотрудниками немецкой разведки был связан в процессе работы; содержание подписки, кличка, с какой целью завербован, какие получал задания; в какой школе (гестапо, СД) получил подготовку, руководство школы, ее адрес, состав обучающихся, что преподавалось, куда и кто по окончании школы и с каким заданием направлен, их клички и установочные данные и ряд других вопросов [11, д. 66. л. 426–428].

Таким образом, организационно-распорядительная документация регулировала и направляла деятельность партизанских органов и формирований по вопросу выявления немецких спецшкол и разоблачения агентуры противника. Важной функцией данного вида документов была консультативная, которая осуществлялась посредством издания различных рекомендаций и инструкций для уточнения и улучшения качества работы по отдельным направлениям.

Наиболее массовыми и информативными источниками по истории деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ являются планово-отчетные документы партизанских формирований и их руководящих органов. Среди этой группы документов в первую очередь необходимо отметить отчеты по разведывательной работе (далее разведотчет) и отчеты Особых отделов. Обязательной частью разведотчета были представляемые данные о проделанной контрразведывательной работе (количество разоблаченного антисоветского элемента, в том числе засланной немецкой агентуры, выявленные спецшколы противника и др.). Подобные отчеты составлялись на всех уровнях: отряда [14, д. 254, л. 34–35], бригады [11, д. 1311, л. 64–67], партизанских соединений области [13, д. 27, л. 5–7], чекистских спецгрупп [14, д. 414, л. 83] и БШПД [11, д. 36, л. 58–59].

Так, в подготовленном БШПД отчете от 22 июля 1943 г., который был направлен в ЦШПД, приводились данные о том, что только на протяжении 1942–1943 гг. партизанами было разоблачено и расстреляно 944 немецких агента. Также указывалось, что «партизанской разведкой добыты данные о наличии на временно оккупированной территории БССР ряда школ гестапо», в том числе приводилась информация об учебных заведениях в Бобруйске, Борисове, Бресте, Витебске, Гомеле, Горках, Минске, Могилёве, Слуцке [11, д. 53, л. 18–19]. Во втором томе итогового «Отчета о разведывательной работе Белорусских партизан за годы Великой Отечественной войны», который был подготовлен сотрудниками БШПД, указывалось: «Борьба с немецкими шпионами, диверсантами и террористами, на пути развития партизанского движения в Белоруссии – являлась одной из главных задач... Уже к концу 1942 и началу 1943 годов немецкая разведка взяла курс на массовость своей агентуры, выбрасываемой против партизан. Этой же установки они придерживались до полного их изгнания с территории Белоруссии... Только одних школ, подготавливавших немецких шпионов, диверсантов и террористов на оккупированной территории БССР, партизанами было выявлено – 25» [15, д. 115, л. 24–27].

Данные о 25 школах, которые приведены в данном отчете, прочно вошли в белорусскую и российскую историографию как общее количество открытых учебных заведений на территории Беларуси в годы войны. Анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что данные о 25 открытых немецких спецшколах на сегодняшний день устарели, а их реальное количество по самым заниженным подсчетам приближается к пятидесяти [16, с. 88].

В подготовленном отчете о работе «Особого Отдела партизанских соединения по Минской области за май 1943 года» приводились данные о категориях и методах вербовки агентуры оккупантов. В частности, указывалось, что «для засылки шпионов вербуют людей, насильно эвакуированных из Смоленской, Витебской, Орловской и др. областей. Засылаются также молодежь 1926–1929 г.р. для шпионажа и диверсий в партизанские отряды, предварительно проходя краткосрочные шпионские курсы. Одно-

временно, засылая молодежь насильственным путем в партизанские отряды и зоны для шпионажа, гестапо в качестве заложников оставляет их семьи – матерей, отцов, братьев и сестер и в случае невыполнения приказа расстреливает их. Гестапо использует уцелевших евреев...» [11, д. 60, л. 30–31].

Значительный объем информации о деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов содержится в разведывательных сводках БШПД. Прежде чем попасть в сводку, материал тщательно анализировался и перепроверялся по нескольким источникам, что значительно повышает степень его достоверности. На страницах разведсводок БШПД сообщалось о наличии спецшкол и курсов в Сенно, Могилёве, Борисове, Слуцке, Витебске, Петрикове, Минске, Полоцке, Бресте, Орше, Гомеле [10, д. 4, л. 13, 89, 113, 147, 172, 214, 219, 250, 316]. В оперативно-разведывательной сводке БШПД на Калининском фронте от 15 апреля 1943 г. сообщались сведения о подготовке диверсантов из числа подростков и детей: «В последнее время отмечены факты засылки противником в районы действий партизан детей местного населения в возрасте 8–15 лет, подготовленных к производству террористических актов против партизан. 7.4.1943 партизанской бригадой Бирюлина в д. Михалково, что западнее деревни Курино, пойман 8-летний мальчик с пистолетом и ОВ в порошке, имевший задачу: убийство и отравление комсостава» [10, д. 5, л. 201]. Аналогичные сведения о деятельности немецких спецслужб можно встретить и в отчетных документах по линии советских органов госбезопасности, в частности, в спецсообщениях, подписанных Л. Цанавой, на имя начальника ЦШПД генерал-лейтенанта П. Пономаренко [17, д. 400, л. 3–4, 7].

Для улучшения качества контрразведывательной работы, а также систематизации и обобщения полученных данных штабами партизанского движения составлялись различного рода справки, аналитические записки и обзоры. В них, как правило, в сжатой форме содержались обобщающие результаты по какому-либо вопросу: об органах германской разведки и контрразведки [18, д. 788, л. 4–5], сведения о деятельности школ и курсов [11, д. 56, л. 46, 48, 86, 117], категории вербуемых [11, д. 57, л. 65] и данные на отдельных шпионов [11, д. 1326, л. 93–94], количество разоблаченных и вывезенных агентов [11, д. 57, л. 392] и др. Справочно-аналитическая документация предназначалась как для внутреннего пользования, так и для ориентирования партизанских формирований.

В качестве примера можно привести справку «О засланной и разоблаченной агентуре гестапо в партизанских отрядах Минской и Брестской областях БССР и о школах гестапо», которую подготовил старший помощник начальника разведотдела БШПД Н. Косой. В ней сообщалось, что «по неполным и сугубо ориентированным данным заслано в партизанские отряды и бригады агентов по Минской области – 900, из них разоблачено – 296». Далее приводились данные о деятельности немецких спецшкол в Минске, Борисове, Слуцке и Бресте, а также кратких разведывательных курсах в Семежево, Уречье, Любани и Старых Дорогах [11, д. 58, л. 66]. Схожими по

своей сути и содержанию являются обзоры, докладные и аналитические записки. Отдельно необходимо отметить такой вид документа, как списки агентуры, которые составлялись на основании поступившей информации и рассылались в партизанские формирования в качестве ориентировки на выпущенных шпионов [19, д. 64, л. 4].

Наиболее информативными источниками о деятельности немецких спецшкол служат протоколы допросов и следственные дела на разоблаченных агентов. Будучи непосредственным участником событий, выявленные шпионы и диверсанты сообщали ценные сведения о работе учебных центров, в которых они обучались: дислокация, преподавательский состав, изучаемые дисциплины, приметы курсантов и их задания. В качестве примера можно привести протокол допроса немецкого агента Нины Ивановны Севостьяновой, которая окончила шпионскую школу в Гомеле и была разоблачена партизанами в декабре 1943 г. В ходе допроса были получены сведения о деятельности в Гомеле разведывательно-диверсионной школы, расположенной по ул. Замковой, 85. Было установлено, что в школе обучалось около 100 агентов, на 74 из них получены установочные данные (из них 46 женщин). Севостьянова сообщила подробные сведения о восьми преподавателях, изучаемых дисциплинах, распорядке дня и выпусках курсантов [11, д. 57, л. 286–297]. Подробные сведения о деятельности разведывательно-диверсионной школы в Минске были получены из допроса разоблаченного «агента в юбке» Нины Сушенковой (16 лет) [11, д. 57, л. 433–436]. Данные о подготовке агентов-женщин в Слуцкой спецшколе удалось узнать от Александры Пашкевич – курсанта этой школы [11, д. 56, л. 17–20].

Подробнейшие данные о деятельности немецкой разведывательно-диверсионной абвершколы в Борисове содержатся в следственном деле на И. И. Матюшина-Фролова – преподавателя радиодола этой школы. Летом 1943 г. он был перевербован одной из чекистских спецгрупп и впоследствии отправлен на «большую землю» как очень ценный агент, располагающий важной информацией. Следственное дело включает в себя семь протоколов допроса, в которых сообщаются подробнейшие данные о деятельности абвершколы: передислокация, руководящий состав и преподаваемые дисциплины, установочные данные на засланных в тыл СССР агентов, их экипировка и др. [13, д. 150, л. 1–60].

Хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь документы обладают большим информативным потенциалом и репрезентативностью. Состав источников по данной проблеме представлен как «низовыми» документами (сформированными в партизанских отрядах и бригадах – отчеты, донесения, протоколы допросов, следственные дела и др.), так и «верхним» звеном (документы руководящих органов партизанского движения – сводки и обзоры БШПД, итоговые отчеты, справки и др.). Это позволяет проследить их иерархичность, а также более глубоко проводить исследования, сопоставляя и анализируя данные документов. Источники по

данной проблеме также характеризуются высокой степенью достоверности, и их введение в научный оборот даст возможность пересмотреть устоявшиеся в историографии, но уже устаревшие данные о деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории Беларуси. В частности, на основании анализа и изучения документов мы доказали наличие около 50 учебных центров, где готовились будущие разведчики и диверсанты. Для этой деятельности, помимо мужчин, активно привлекались различные национальные и половозрастные группы населения: женщины, несовершеннолетние подростки, лица еврейской национальности. В частности, на территории Беларуси действовало более 10 школ, где готовились «агенты в юбках» [20, с. 85–86], а также ряд учебных центров, обучавших детей-диверсантов: в Барановичах, Бобруйске, Борисове, Бресте, Вилейке, Городке, Куренце, Минске, Могилёве, Сенно, Слуцке, Орше и Шумилино [21, с. 85].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Остряков, С. З.* Военные чекисты / С. З. Остряков. – М.: Воениздат, 1979. – 320 с.
2. *Смирнов, Н. И.* Секретный узел: Тайная война в Беларуси (1939–1944) / Н. Смирнов. – Минск : Літаратура і мастацтва, 2010. – 248 с.
3. *Соловьёв, А. К.* Они действовали под разными псевдонимами... / А. К. Соловьёв. – Минск : Навука і тэхніка, 1994. – 200 с.
4. *Киселёв, В. К.* Борьба партизан с подрывной деятельностью фашистских спецслужб в Белоруссии / В. К. Киселёв // Вопросы истории. – 1984. – №3. – С. 42–56.
5. *Доморад, К. И.* Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии 1941–1944 гг. / К. И. Доморад. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 256 с.
6. *Попов, А. Ю.* Борьба с гитлеровской агентурой в партизанском движении / А. Ю. Попов // Военно-исторический архив. – 2002. – № 12. – С. 158–177.
7. Лубянка-2. Из истории отечественной контрразведки. – М. : Изд-во объединения «Мосгорархив», АО «Московские учебники и Картолитография», 2001. – 360 с.
8. «Огненная дуга». Курская битва глазами Лубянки / сост. А. Т. Жадобин, В. В. Марковчин, В. С. Христофоров. – М. : АО «Московские учебники и Картолитография», 2003. – 480 с.
9. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. – Т. 3: Крушение «Блицкрига», кн. 1: 1 января – 30 июня 1942 г. – М. : Русь, 2003. – 691 с.; Т. 4: Секреты операции «Цитадель», кн. 1: 1 января – 30 июня 1943 г. – М.: Русь, 2008. – 813 с.; Т. 4: Великий перелом, кн. 2: 1 июля – 31 декабря 1943 г. – М.: Русь, 2008 – 814 с.; Т. 5: Вперед на запад, кн. 1: 1 января – 30 июня 1944 г. – М. : Кучково поле, 2007. – 752 с.
10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 1.

11. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2.
12. НАРБ. – Ф. 1350. Оп. 1.
13. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21.
14. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4.
15. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 3.
16. Кулинок, С. В. Деятельность немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны: новые направления и перспективы исследования / С. В. Кулинок // Российские и славянские исследования: сб. науч. тр.– Минск : БГУ, 2016. – Вып. 11. – С. 85–91.
17. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а.
18. НАРБ. – Ф. 1440. Оп. 3.
19. НАРБ. – Ф. 1406. Оп. 1.
20. Кулинок, С. В. Агенты в юбках / С. В. Кулинок // Беларуская думка. – 2014. – № 11. – С. 82–90.
21. Кулинок, С. В. Дети-диверсанты немецких спецслужб / С. В. Кулинок // Беларуская думка. – 2015. – № 10. – С. 80–86.

С. Я. Новікаў

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ (1941–1944): НАЙНОЎШЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ ГЕРМАНСКОЙ ВАЕННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Прадметам нашага даследавання з’яўляюцца асноўныя ідэі і накірункі развіцця сучаснай германскай ваеннай гістарыяграфіі, фарміраванне якой цягам двух апошніх дзесяцігоддзяў адбывалася пад уплывам *культурнага навароту* [1, S. 247]. Уплыў апошняга на гістарычную навуку Германіі прывёў не толькі да паспяховага збліжэння пазнавальных сфер з гісторыі, грамадства і культуры, але і да рашучага пошуку новых аб’ектаў даследавання з выкарыстаннем нетрадыцыйных метадалагічных прынцыпаў, у большай ступені характэрных для сферы грамадскіх навук, якія ў сваю чаргу знайшлі шырокі ўжытак у гістарычных працах другой паловы 1990-х і нулявых гадоў, а таксама яскрава сведчылі аб адкрыцці доступу да новых ведаў у дачыненні да добра вядомай тэмы гісторыі нацыянал-сацыялізму ў гады Другой сусветнай вайны. На аснове новых архіўных дакументаў стала магчымым вырашыць галоўную пошукавую задачу – не толькі рэканструяваць гістарычную лагісіку нацысцкіх злчынстваў у еўрапейскім маштабе, але і паказаць іх наступствы ў арыгінальным вымярэнні, спалучаючы эканамічную, ваенную і расавую геастратэгію, з аднаго боку, а з другога – раскрываючы характар ваеннай паўсядзённасці і трагічныя наступствы нацысцкай акупацыі для грамадзянскага насельніцтва на прыкладзе розных рэгіёнаў Еўропы, у тым ліку Беларусі [1, S. 249]. Такім чынам, вынікам «культуралагічнага звароту» з’явілася ўмацаванне агульнай тэндэнцыі да